

ОЧЕВИДЕЦ

Кавказский вояж

В 1993 году «Евразия» организовала для иностранцев поездку, за которую не взялась ни одна другая туристическая компания в России

«Сколько-сколько? 20 лет, говоришь? Быть не может!» Мы заржали. Нервное, наверное. Или возрастное. Ну да, точно — осень 1993-го. Только-только пережили разгром Останкино и стрельбу по Белому дому. Тогда, в 1993 году, «Евразия» в рамках тесных взаимоотношений, сложившихся с иностранными то ли учёными, то ли туристами... Короче, если прежде «Евразия» организовывала им туры двух видов — либо познавательные, либо экстремальные (спортивные), то тут решили сопрячь приятное с полезным. Коня и трепетную лань. Датские, шведские и американские ребята захотели на Северный Кавказ. Курорт.

Выбор пал на четыре вполне себе самобытные и самостоятельные республики, входившие в состав России. Дагестан — как самая многонациональная. Там тогда ещё спокойно было, и это был повод для гордости. Понятное дело, Чечня. И, разумеется, Ингушетия и Северная Осетия, между которыми только-только произошёл так называемый вооружённый конфликт, а попросту говоря — война.

Вот такой экскурсионный тур по здравнице, житнице и кузнице. По горячим точкам родной страны. Тогда термин этот ещё только-только входил в моду.

Ещё летом два так называемых проводника «Евразии», пермяки Владимир Роготнев и автор этих строк, исследовали весь маршрут — навели контакты с формальными и неформальными делями мятежных и безмятежных республик. Лето было жаркое, пыльное, насыщенное и интересное. Помнится, по итогам той поездки в газете «Пермские новости» даже вышел материал (а может, и серия — уж не помню точно) про кавказские страсти. Рядом с подписью автора красовалась неизменная благодарность «Евразии» за организацию познавательной поездки.

Затем последовал «путч №2», который обернулся очередным недоумением иностранных клиентов «Евразии» и новыми седыми волосами в буйной шевелюре директора «Евразии» Сергея Минаева. Но надо знать Минаева: по его представлениям, маршрут должен состояться при любой политической погоде в Российской Федерации. Нестабильность обстановки в стране и её пошатывающихся режимов не должна влиять на стабильность «Евразии» и её обязательства перед партнёрами.

Накануне визита иностранцев проводники добросовестно прошерстили заново весь маршрут, заказали гостиницы — там, где это было возможно, подтвердили договорённости, заново поразились блеску и нишете государственного устройства Кавказа, а ещё —

неизменному гостеприимству и болезненной гордости горских народов...

В Махачкале, куда руководитель экспедиции и попутно переводчик, а «в миру» преподаватель истории и даже кандидат наук Борис Поварницын привёз группу иностранных исследователей российской действительности, в тёплой дружественной обстановке состоялась вполне неторжественная встреча представителей двух цивилизаций — нет, даже, пожалуй, трёх: развивающегося капитализма, разваливающегося социализма и неизжитого ещё феодализма. (Наверное, это было самое длинное предложение в моих мемуарах, потому что встреча та увенчалась традиционным кавказским застольем со столом красноречивыми тостами, когда в конце спича уже не помнишь, о чём говорилось в начале... Ну, вы меня понимаете.)

Надо знать Минаева: по его представлениям, маршрут должен состояться при любой политической погоде в Российской Федерации. Нестабильность обстановки в стране и её пошатывающихся режимов не должна влиять на стабильность «Евразии» и её обязательства перед партнёрами

Ещё в Дагестане в повестке был председатель Госсовета Магомедали Магомедов, жена народного поэта Расула Гамзатова — Патимат («Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не приведшие полей...»). Сам Расул тоже плавировался, но невыпланировался. И ещё была поездка в Гуниб. Посёлок Гуниб расположен высоко в горах — красотища неописуемая. Да-да, тот самый Гуниб, тесно и навсегда связанный с именем Шамиля, легендарного борца за свободу Кавказа позапрошлого века. А теперь ещё и с терактом в Волгограде — это уже новейшая история.

Дальше была Ингушетия, относительно недавно вышедшая из состава Чечено-Ингушской Республики, с неотстроенной и по-деревенски неприхотливой столицей — селением Назрань. Встреча с вице-президентом, генералом Борисом Агаповым — сам президент, генерал, Герой России и афганской войны Руслан Аушев был там же,

где и Гамзатов, — в Москве, которая, как капризная барышня, всегда требует к себе внимания и отнимает уйму времени... Ещё в Ингушетии был палаточный лагерь беженцев — продукт, итог и следствие того самого осетино-ингушского конфликта. Ужасающее зрелище, бьющее по нервам и сердцу. К беженцам «туристов» возили прямо как на экскурсию. Понятно, что аналогичные пропагандистские экскурсии были и в Осетии: на Кавказе у каждого народа, у каждого человека — своя правда, и она у каждого правила и нравственная, и убеждённости этой правды нельзя не верить, и от обилия этих правд так часто болит сердце.

Да, кстати, жили мы в большущем двухэтажном доме с двумя десятками комнат то ли мэра, то ли бывшего мэра, то ли просто какого-то приближенного к руководству сановника... Ещё в Ингушетии в президентской охране был выпускник юрфака Пермского университета, с которым мы впоследствии стали добрыми товарищами. Кажется, он до сих пор безумно сожалеет, что уехал из Перми, но «кровь позвала» (разводит руками).

Потом он стал председателем суда Назранского района, на него было совершено не то два, не то три покушения... В Северной Осетии всё было куда более цивилизованно. Мы жили во вполне приличной гостинице, в ней же расположилось командование Временной администрации по урегулированию Осетино-Ингушского конфликта. Ну, то есть российские миротворцы. Ежедневно они выезжали на автобусе в сторону Ингушетии и «урегулировывали». Работа не совсем понятная, но, понятное дело, опасная. Иной раз можно было видеть, как поутру служащая Временной администрации — вся в ремнях, кобурах и камуфляже, и при этом на высоких каблуках и с дамским зонтиком — бежит-торопится-опаздывает на автобус.

Во Владикавказе мы тоже встречались с руководством Республики, с культурными и научными деятелями. С казаками ещё встречались...

Ну, и Чечня. Встречи, споры, удивления... Просто портреты можно писать. Вице-президент Зелимхан Яндарбиев, демонстрирующий нам соловья в своём кабинете: «Птичка просто залетела ко мне в окно, и я её в клетку посадил». Работяга Абдула Вацуев, собирающий втихаря чурты — каменные надмогильные памятники с разрушенных и разорённых во время депортации кладбищ: «Представляете, эти чурты использовались как бордюры на дорогах». Профессор-историк Явус Ахмадов, попавший в список подлежавших аресту: «За последние два года неоднократно предпринимались попытки создать около президента профессиональную команду, чтобы компенсировать имманентно присущие ему недостатки». Сам мятежный генерал Джохар Дудаев с привычным набором обвинений в адрес Москвы и застывшим взглядом маньяка.

Журналист-переводчик из США Майкл Вэйл, прошедший не одну горячую точку, возвращаясь после встречи с Дудаевым, был мрачен и всё бормотал: «Another war, another war, another war...» («Ещё одна война...»).

До войны оставалось чуть больше года. И около 10 лет — до защиты Борисом Поварницыным докторской. По теме — что-то типа «Постсоветский Северный Кавказ глазами зарубежных гостей»... И семь лет — до нашей с ним второй совместной командировки в Чечню. Март 2000-го — ещё одна печальная дата. Чеченский след в пермской душе...

Но пока всего этого ещё нет, и мы сидим в Нальчике, откуда каждый поедет на свою родину, и звучат многословные велеречивые кавказские тосты, искусству произнесения которых мы учим друг друга, и непременно начинаем со слов: «Когда солнце в очередной раз позолотит вершины кавказских гор, и мы снова встретимся все вместе в этом обетованном краю...»

Время и пространство причудливы в своих пересечениях и встречах. Как-то раз на стыке веков в Перми на автобусной остановке возле Бакинститута, зимой, когда солнце золотило вершины сугробов, разумеется, совершенно случайно столкнулись все трое участников той экспедиции: проводник Володя Роготнев, руководитель группы и переводчик Борис Поварницын и наш покорный слуга.

Андрей Никитин,
гид-проводник турцентра «Евразия»
образца 1993 года

Р. С. Кстати, после той заключительной поездки с ограниченным иностранным контингентом репортаж по итогам наших кавказских путешествий вышел даже в «Комсомольской правде» (как сейчас помню, назывался он «Кошмары на улицах Грозного»). Правда, традиционной приписки про благодарность «Евразии» там уже не было — у московских редакций на этот счёт были свои взгляды, не достигающие глухих провинций с амбициозными замашками.